

Ольга Игоревна Северская

Россия, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Пропозиция, факт, событие в языковом пространстве поэтического текста

Ключевые слова: поэтический мир, лингвистическая поэтика, логическая семантика, референция, пропозиция, событие, факт, образ.

Key words: poetic world, linguistic poetics, logical semantics, reference, proposition, event, fact, image.

Abstract

The author suggests a model of propositional, eventual and factual reading of poetry. In a poetic text, “reality”, like the truth of the poetic utterance it defines, is given by the space of signifiers. The utterance, actualized in the text by speech “gestures”, expresses perceptual (with the modes of actual linguistic existence and direct perception) and epistemic propositions, which correspond with the initial reference situation of the text – the configuration of objects, their properties and relations. An event in the text is any change in the original reference situation and its semantic configuration. A fact can be considered an invariant semantic representation of a chain of interrelated / functionally equivalent events identified as coreferent. Poetic facts correspond to the structure of the deep proposition, i.e. an image as a pre-verbal statement.

Представление о поэтическом тексте как упорядоченном языковом пространстве, в котором внутренняя и внешняя формы созерцания не противопоставлены, а «образуют единый пространственно-временной континуум [...] с неразрывной связью составляющих его элементов» [Топоров 1983: 231], позволяет поставить вопрос о взаимопроникновении онтологической и эпистемической сфер, а следовательно – о взаимодействии событийного и пропозиционального значений поэтического высказывания. Задача описания «всего множества смыслов, расчленяющих бытие предметов» и динамики перехода от *ощущения* поэтической реальности к ее *осмыслению* предполагает анализ соотношения понятий «событие», «факт», «пропозиция» с учетом данных концептуального анализа (представленных, прежде всего, в работах Н.Д. Арутюновой [1987а, б]) и положений поэтической семантики.

По Р. Столнейкеру [1985], с которым солидаризируется и С.Т. Золян [1986: 86–88], *п р о з и ц и я* есть представление мира существующим и являющимся таким, как он есть, а не каким-либо иным; поскольку за данным состоянием мира следует иное, пропозиция определяет и возможные последующие состояния мира. При этом пропозиции, как это утверждает Я. Хинтиikka [1980: 73–75], сами по себе не являются образами положений дел, в которых они могли бы быть истинными, а представляют собой инструкции по построению некоторого числа альтернативных образов.

Существующим, материально воплощенным в поэтическом тексте признается все, что входит в пространство означающих – конгломерат «звуковых тел» языковых знаков, с которыми ассоциируется и релевантное денотативное пространство [Ревзина 1998: 21]; с этой точки зрения может оцениваться и «реальность» происходящего, определяющая истинность поэтического высказывания.

Чаще всего мир текста предстает как актуальный сквозь призму конкретной ситуации, выделенной в языковом пространстве посредством речевых «жестов», чаще всего – звуковых: «*На земле зима, и дым огней* бессилён. Распрямить *дома*, полегшие вповал» (Б. Пастернак, «Зимняя ночь» [1990: 13]). В приведенном примере паронимическая аттракция акцентирует внимание на двух компонентах высказывания: *земле*, с которой ассоциируется *зима*, и *домах*, с которыми взаимодействует *дым* (в грамматике данного отрезка вторые компоненты имеют статус «категории состояния»). С одной стороны, каждая из пар аттрактантов выделяет некий целостный фрагмент реальности, с другой – запускает механизм логического вывода, а вместе с этим делает возможным построение множества суждений о сопряженных состояниях языкового и поэтического мира.

На земле зима – высказывание, мало чем отличающееся от обыденного или прозаического, отражающего зафиксированный в языковой картине мира опыт: на *земле*, т.е. во всем мире (< *земля* ‘планета Солнечной системы’, ‘суша, земная твердь’ и ‘место жизни и деятельности людей’) наступила *зима*, а вместе с ней пришел холод (*зима* ‘самое холодное время года’), на *земле* (< *земля* ‘почва’) лежит снег, а также вызывающего определенные ассоциации. Например, с *внезапностью, атакой* (< *наступать* ‘начинаться’ и ‘ведя военные действия, двигаться вперед, тесня или громя противника / подступив к чему-либо, надвигаться, занимая пространство’), т.е. агрессией, угрозой, или же *сумерками, темнотой, сном* (эти дескрипторы *зимы* как частотные приводятся, в частности, в «Русском семантическом словаре» [Караулов и др. 1982: 143]).

Вторая пара аттрактантов *дома* – *дым* тоже получает подкрепление «знанием о мире»: зимой холодно, обогревая *дома*, топят печи, и тогда из печных труб поднимается *дым*. Важно, что *дым* над *домами* более узнаваем, чем метафорическая *дым(ка) огней*. Хотя и появление *огней* в *зимних сумерках* для носителя языкового сознания мотивировано не только реальностью (зимой темнеет рано, в домах и на улицах зажигается свет), но и словесно:

как известно, и *дыма без огня не бывает*, и *дымку с сумерками* связывают общие семантические компоненты в значениях соответствующих слов – нечеткость зрительных впечатлений, полутона, растворение света во мраке, дальше, основываясь на опыте, можно фантазировать о том, что *дымку* образует падающий снег, сквозь который просвечивают фонари и освещенные изнутри окна домов.

Кроме того, двум парам аттрактантов можно сопоставить оппозицию *земля* ‘горизонталь’ vs. *дым* ‘вертикаль’, а следовательно, значимое для поэтических миров противопоставление *земли* и *небес*, дольного и горнего миров. Потенциально в поле сознания может попасть и аттрактант **домовина* ‘гроб’, что подкрепляется устойчивой ассоциацией *зимы* с замиранием жизни, сном природы на грани жизни и смерти (зимой можно *замерзнуть* и *вымерзнуть*), и тогда с *дымом* могут уже сравниваться устремляющиеся к небесам, сгоревшие на земле души¹.

Как можно было заметить, каждый из компонентов звукового «жеста» указывает на определенный кластер «знания о мире» и тем самым актуализирует тот или иной фрейм интерпретации. Возникает тот же эффект, что и при использовании прямого указания на ситуацию и ее языковой знак с определенными экстенсионалом, интенсионалом и импликационалом: «Что ж, *зима*. Белый улей распахнут. Тихим светом насыщена тьма. Спозаранок проснется и ахнут, И помедлят и молвят: „*Зима*”» (С. Гандлевский, «Что ж, зима...» [2012: 45]). Отличие звукового «жеста» от такого рода «указателей» в том, что ему соответствует некая пропозициональная форма, соединяющая объекты и предиктируемые им состояния, – форма, потенциально разворачиваемая в серию суждений о поэтическом мире².

Звуковой «жест» может указывать и на объект поэтической реальности сквозь призму типичного признака или действия: «Как *белеют зима и больница!*» (Б. Ахмадулина, «Это я...» [1988: 147]). *Больнице* действительно свойственно быть *белой*, *белеть*, и *белизна* – это ее «неотторжимая принадлежность»: в русском языке в ряду цветообозначений присутствует *больничный белый*, а поиск в Национальном поэтическом корпусе³ позволяет обнаружить

¹ Можно привести контексты, в которых объединяются зима (через ее признаки), *сон* и *дым* с представлением о смерти, например: «Шестерых враги убили, / а седьмого сбеггли. / Шестерым лежать в могиле, / одному не знать земли. / Вот он бродит над землею, / Под собой не чуя ног. / Паутину вяжет мглою / снегопада паучок. / *Снегопад* бывает белым / и не может быть другим. / Только *кто же мажет мелом* / *В сон свивающий дым*, / если в мире, мире целом / только он и невредим?» (И. Жданов, «Баллада» [2006: 29]).

² Как замечает Н.Д. Арутюнова, номинации, фиксирующие маркированные явления, совмещают идентифицирующую и предикативную функции, т.е. одновременно содержат указание на предмет речи и выражают сообщаемое о нем [1987а: 11].

³ Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка доступен по адресу: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html>, цитаты и примеры (кроме специально оговоренных случаев), приводятся по данным этого ресурса.

белую больницу, например, у И. Эренбурга, С. Кирсанова, А. Ладинского, *больничные белые стены* и *больничные белые койки* – у М. Зенкевича, *больничную белую тишину* – у С. Шервинского. Так же устойчива и ассоциация *белизны* с *зимой*, и этой аксиомы обыденного языкового сознания придерживаются и поэты: *не больше бел зимы снежок* у В. Хлебникова, *двадцать белых зим* найдем у Н. Клюева, *предчувствие белой зимы* – у А. Блока, *дни томлений острых прожиты вместе с белой зимой* А. Ахматовой, у нее же *на коленях белая зима следит за всем с молитвенным вниманьем*, у С. Соловьева *покрыла белая зима однообразные равнины*, у М. Цветаевой – *года [...] младые станут белой зимой* и т.д. Сближение *зимы* и *больницы*, таким образом, глубоко мотивировано их общим свойством *белеть*, но гармония образов основывается и на другой, не столь очевидной ассоциации: и *зимой*, и в *больнице* замирает жизнь.

М.С. Михайлова, анализируя «больничные тексты» Б. Ахмадулиной, упоминает устойчивую ассоциацию *белизны* и *больницы* и повторяющийся мотив «*белой*» (не только светлой, но и бессонной) *ночи в больничном окне* и связывает *белое* «с бессмертием, с возможностью воскресения через творчество», замечая, что «природа поэта, отличная от обычной, человеческой, проявляется в отношении *боли* (курсив – мой, О.С.) и страдания» [2004: 61]. В приведенной выше цитате паронимическая аттракция, связывая корни, как раз и являет интерпретатору *белеющую боль*. И эта ассоциация, как показывает Национальный поэтический корпус, опять же оказывается устойчивой и укорененной в языковом сознании и в литературе, как в прозе: у А. Куприна встречаются *брызнувшие из глаз вместе с тупой болью белые яркие молнии*, у С. Сергеева-Ценского – *страшные от боли белые глаза*, у Г. Бакланова – *закушенные от боли белые губы*, у В. Каверина – *искаженное от боли белое лицо*, у З. Гиппиус – *больной, белый, как бумага*, у П. Боборыкина – *больная, белая, как молоком налитая*, так и в поэзии: *В палатах буднично, – и удивительно ль, Что фея белая больным желанна?* (И. Северянин); *Неужели это день? Он белей больных рубаш* (С. Петров); *Над белой болью неба без возврата Смолкает шум мучений городских* (Б. Поплавский); *Дай мне белую боль состраданья, Дай мне черные слезы любви!* (С. Липкин). Отметим и еще один случай сближения *боли* и *белого* в поэтическом идиолекте, наиболее близком Б. Ахмадулиной: «И тогда, *побелев от боли*, Прошептала: „Уйду с тобой”» (А. Ахматова, «Похороны» [1990: 30]). И подчеркнем важность того, что укорененность определенных ассоциаций в языковом сознании позволяет рассматривать выделенные речевыми «жестами» объекты поэтического мира в определенных ракурсах, объединяя их в классы по одним и тем же признакам: *белизна*, присущая *больнице* и *зиме*, позволяет отождествить последние и по признаку *боли*, сопутствующей *белизне* и *болезни*.

В следующем примере звуковой «жест» вызывает в воображении интерпретатора «картинку» – *больница, больные, балкон* здесь как детали «паззла»:

«Это только снаружи *больница* скучна, непреклонна. А внутри – очень много событий, занятий и чувств. И *больные* гуляют, держась за перила *балкона*» (Б. Ахмадулина, «Воскресенье настало. Мне не было грустно ничуть...» [1988: 377]). *Больница* и *больные*, *больница* и *балкон* связаны метонимически, но в первом случае это однокоренные, а во втором – разнокорневые аттрактанты, подчеркивающие соположение двух миров: *балкон* – это ‘выступающая из стены здания площадка с перилами, сообщающаяся с внутренним помещением’, «по определению» занимающая промежуточное, переходное от внутреннего к внешнему, положение, и такое же положение в ряду аттрактантов занимают *больные*. Что полностью согласуется с тем, что «„Болезнь” у Ахмадулиной – это пограничное состояние между двумя мирами» [Михайлова 2004: 60], но между не жизнью и смертью, а творчеством и реальностью.

Применительно к поэтическому тексту вдвойне справедливым представляется наблюдение Н.Д. Арутюновой: «Происходящее моделируется в виде системы концептов, реконструируемых по данным языка» [1987б: 529]. Как можно было заметить, высказывания, актуализированные в контексте соответствующей языковой области, осознаются как внутренне диалогичные, выражающие перцептивную (вводимую модусом собственно языкового существования, в терминах О.Г. Ревзиной [1998: 22], чем имплицитно определяется модус непосредственного восприятия) и эпистемическую *п р о п о з и ц и и*. Рассчитанное на «узнавание» (а тем самым обращенное к «идентифицирующему знанию»), выделение стереотипной ситуации позволяет установить референтные области, которым соответствуют модели изоморфных положений дел действительного и поэтического миров. Именно эти референтные области попадают в фокус внимания, что, по П. Стросону [1982: 130–131], определяет тему высказывания, а следовательно, влияет и на его истинностную оценку: в данном случае высказывание является не только самоверифицируемым (в силу автореферентности поэтического текста), но и оценивается как истинное по информации, передаваемой относительно некоторого «эталонного» положения дел. Кроме того, выделение реалии в актуальном денотативном пространстве текста предопределяет возможность верификации тропа, об этом пишет, в частности, С.Т. Золян, подчеркивая, что поэтический мир «выступает не только как онтологическая область, но и как способ ее языкового конструирования» [1986: 151], а «образ [...] есть продолжение (а не просто воспроизведение) реалии, ее возможность» [Там же: 190].

Исходная референтная ситуация в тексте – конфигурация объектов, их свойств и отношений, обладающая стабильной структурой (по Р. де Богранду [Beaugrande 1980: 79]), – фиксируется при тематизации отдельных пропозициональных компонентов базовой структуры, как в следующем примере: «Еще на всем печать лежала Великих бед, недавних *гроз*, И я свой *город* увидела Сквозь *радугу* *последних слез*» (А. Ахматова, «Вторая годовщина» [1990: 221]). Звуковые связи (объективные связи языкового пространства)

акцентируют внимание на двух референтных выражениях, связанных в рамках синтаксической модели метафоры: *радуга над городом после грозы – след слез*. Сохраняя мотивированность «прямого значения» (радужные блики возникают при взгляде сквозь слезы из-под ресниц и могут «накладываться» на зрительное впечатление от реальной, «природной» радуги), вторичная пропозициональная структура свидетельствует о сдвиге релевантного денотативного пространства в сторону «продолжения реальности»⁴, или, по В.Н. Топорову, о «фазе поворота» [1983: 232] пространства текста. Описание конкретной ситуации становится обозначением иного объекта – слез как просветления, взгляда на мир, полного надежд (вспомним *радужные планы*, а также мифопоэтическую параллель *радуга – радость*).

Подобная трансформация, изменяющая исходную ситуацию или состояние объектов в рамках ситуации, может быть охарактеризована как с о б ы т и е [Beaugrande 1980: 79]⁵. В тексте событие, изменяющее исходную референтную ситуацию, задает семантическую интерпретацию⁶, становясь «глубинной» темой поэтического высказывания. Так, в рассматриваемом тексте переходу от горя к надежде противопоставляется неизбывное горе: «Нет, я не выплакала их, Они внутри скипелись сами. И все проходит пред глазами Давно без них, всегда без них».

«Умножение событий», как отмечает Н.Д. Арутюнова, «происходит не только в результате распределения по разным жизненным сферам, но также вследствие выполнения в одной сфере разных функций или отнесенности к разным аспектам происходящего» [1987б: 174]. Инвариантное событие может локализоваться в разных срезах релевантного денотативного пространства, актуализированного с помощью звукового «жеста», например, *двор – дерево – детвора* в приводимом фрагменте текста:

[...]
Из той далекой и чужой *весны*
Мне чудится смиренный *подорожник*.
Он *всюду рос, им город зеленел*,
Он украшал широкие ступени,
И с *факелом свободных песнопений*
Психея возвращалась в мой придел.

⁴ Об этой функции актуализированных синтаксических конструкций пишет, в частности, М.А.К. Хэллидей [Halliday 1970].

⁵ Ср. определение Т.М. Николаевой текстового события как полного описания некоторого явления «во всей совокупности актуализирующих его темпоральных и спациальных локализаторов» [1980: 199], а также тезис Н.Д. Арутюновой о связи событийного значения с информацией о свойственных объекту реальности и предсказуемых ему «статических, динамических, актуальных и потенциальных признаках» [1987б: 531].

⁶ На эту функцию обозначений событий указывает Т.В. Радзиевская: «Охарактеризовать событие – значит эксплицитировать все связи данного события с другими событиями и выявить тем самым его значимость в этой совокупности связей» [1981: 66].

А в глубине четвертого двора
 Под деревом плясала детвора
 В восторге от шарманки одноногой,
 И была жизнь во все колокола...

(А. Ахматова, «Совсем не тот таинственный художник...» [1990: 187]),

где точками свершения событий становятся разные соотносимые с ситуацией пространства – *Вселенная, мир природы, город, двор, «придел» души*.

Глобальное событие может распадаться на ряд более частных, происходящих одновременно и имеющих собственную событийную «историю». Так, в стихотворении С. Вермишевой «Ты предал меня»: «*Я говорю с тобой. Но ты далек. И ты меня не слышишь*» [2005: 233], референтное событие (*Я говорю с тобой*) получает различную денотативную интерпретацию: *Я выражаю словами свои мысли и чувства; Я выражаю свое существо; Обращаясь к тебе, я жду ответной реакции*. В любом случае событие становится классификатором, указывающим на тот аспект, по которому оценивается происходящее, и в этом смысле сближается с фактом.

По мнению Н.Д. Арутюновой, ф а к т (его значение) – это результат анализа событий действительности, выделения в них таких сторон, которые релевантны с точки зрения семантики текста: «Человек вычленяет фрагмент действительности, а в нем определенный аспект, концептуализирует его, структурирует по модели суждения [...], верифицирует, и только тогда получает факт» [1987б: 533]. При этом семантические пространства, соответствующие разным фактам, могут частично пересекаться и входить одно в другое: «Факты идентичны, если они занимают одно место в логическом и семантическом пространстве текста» [Там же: 535]. С другой стороны, о чем предупреждает З. Вендлер, «один и тот же факт может быть представлен разными способами, будучи [...] референтно прозрачным» [1987: 305]⁷.

В поэтическом тексте ф а к т о м может считаться инвариантное семантическое представление цепи взаимосвязанных/функционально эквивалентных событий, логико-семантической формулой которого является пропозициональная функция: существует x , xP , где P – набор существенных свойств объекта X в мире текста⁸. Она наследует структуру глубинной пропозиции – образа. Комбинация устойчивых семантических признаков, на что обращают внимание С.Т. Золян и М.Ю. Лотман, параллельно развивается на пропозициональном и образном уровнях: на «поверхности» представлен

⁷ Применительно к поэзии следует учитывать также, что «стихотворное высказывание не имеет первичного референциального соотношения с внеязыковым миром, но может получить неограниченное множество вторичных референциальных распечаток» [Ревзина 1998: 21–22].

⁸ Это функция идентифицирующей референции, которая служит идентификации объекта в отношении действительности и одновременно в отношении текста, указывая на кореферентность языковых выражений [Арутюнова 1982: 21].

комплекс семем, соответствующих пересечениям основных образов текста, в «глубине» обнаруживается текстопорождающий семантический комплекс «глубинного» образа, который, как правило, не имеет единого общезыкового выражения и отражается в «поверхностных структурах» по частям, в самостоятельных, не обязательно связанных синтаксически лексемах. Глубинная тема и соответствующие ей пропозициональные структуры конституируются на гиперсинтаксическом уровне, а сам глубинный образ представляется возможным отождествить со «свернутой» пропозицией.

Различая единицы непредметного значения, Н.Д. Арутюнова выделяет не только онтологическую и эпистемическую сферы, но и третью, отделяющуюся от онтологии мира сферу «жизни», для которой характерно ослабление связей с пространством и временем: «В жизненной сфере события выстраиваются в последовательности, в ней вступают во взаимодействие внутренние [...] и внешние события, задается семантика конкретнособытийных имен» [1987б: 540–541]. В поэтическом тексте также можно говорить о выделении трех сфер бытия языкового пространства: внешнее, конкретно-предметное пространство, трансформированное языком, переходит в «пространство созерцания», а затем в пространство семантических признаков. Структура пропозиции, моделирующей исходную референтную ситуацию, предопределяет развитие событийных значений на уровне интерпретации. Факт, отражая инвариантные характеристики текстового события, становится посредником между поэтической реальностью и структурирующей и осмысляющей ее пропозицией-образом.

Источники

- Ахмадулина Б., 1988, *Избранное: Стихи*, Москва: Советский писатель.
 Ахматова А., 1990, *Стихотворения и поэмы*, т. 1 [в:] Ахматова А., *Сочинения в двух томах*, Москва: Панорама.
 Вермишева С., 2005, *Из камня и песка*, Москва: Время.
 Гандлевский С., 2012, *Стихотворения*, Москва: Астрель CORPUS.
 Жданов И., 2006, *Воздух и ветер: Сочинения и фотографии*, Москва: Наука.
 Пастернак Б., 1990, *Стихотворения и поэмы*, Москва: Художественная литература.

Литература

- Арутюнова Н.Д., 1982, Лингвистические проблемы референции, *Новое в зарубежной лингвистике: Логика и лингвистика (Проблемы референции)*, вып. 13, Москва: Радуга, с. 5–40.
 Арутюнова Н.Д., 1987а, Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира»), *Вопросы языкознания*, № 3, с. 3–19.
 Арутюнова Н.Д., 1987б, Пропозиция, факт, событие (Опыт концептуального анализа), *Известия АН СССР, Серия Литературы и Языка*, т. 46, № 6, с. 529–546.

- Вендлер З., 1987, Факты в языке [в:] Горский Д.П., Петров В.В. (ред.), *Философия, логика, язык*, Москва: Прогресс, с. 293–317.
- Золян С.Т., 1986, *Поэтическая семантика и семантико-композиционная организация поэтического текста*: дисс. [...] докт. филол. наук – 10.02.19, Ереван: Ереванский гос. университет.
- Караулов Ю.Н. и др., 1982, *Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову*, Москва: Наука.
- Михайлова М.С., 2004, «Больничный» текст в лирике Беллы Ахмадулиной 80–90-х гг., *Культура и текст*, № 7, с. 60–71.
- Николаева Т.М., 1980, «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики [в:] Цивьян Т.В. (ред.), *Структура текста*, Москва: Наука, с. 198–210.
- Радзиевская Т.В., 1981, *Функционально-семантические закономерности соединения слов в предложении*: дисс. [...] канд. филол. наук – 10.02.19, Москва.
- Ревзина О.Г., 1998, *Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта*: дисс. [...] докт. филол. наук – 10.02.01, Москва: Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова.
- Столнейкер Р., 1985, Прагматика, *Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика*, вып. XVI, Москва: Прогресс, с. 419–438.
- Стросон П., 1982, Идентифицирующая референция и истинностное значение, *Новое в зарубежной лингвистике: Логика и лингвистика (Проблемы референции)*, вып. 13, Москва: Радуга, с. 109–133.
- Топоров В.Н., 1983, Пространство и текст [в:] Цивьян Т.В. (ред.), *Текст: семантика и структура*, Москва: Наука, с. 227–284.
- Хинтиikka Я., 1980, *Логико-эпистемологические исследования*, Москва: Прогресс.
- Beaugrande R., 1980, *Text, Discourse and Process. Toward a Multidisciplinary Science of Texts*, Norwood: Ablex Publ. Corp.
- Halliday M.A.K., 1970, Language Structure and Language Function [в:] Lyons J. (ed.), *New Horizons in Linguistics*, London: Penguin Books, с. 140–165.